

О житіи св. Стефана Сурожскаго.

Въ рецензіи Ѳ. И. Успенскаго на мой рукописный трудъ «Комментарій на записку Готскаго топарха», напечатанный въ Отчетѣ о сорокъ четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова (Записки Императорской Академіи Наукъ VI, № 7, С.-Петербургъ 1904, стр. 252), многоуважаемый мой рецензентъ замѣчаетъ по поводу «извѣстныхъ легендъ», что онѣ нуждаются еще въ новыхъ изслѣдованіяхъ. Подъ этими легендами разумѣются Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго, о которыхъ Васильевскій написалъ обширное сочиненіе: Русско-Византійскія изслѣдованія. Выпускъ второй. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. С.-Петербургъ 1893. Вышеуказанное замѣчаніе Успенскаго побудило меня приняться за изученіе труда Васильевскаго. Результатъ, къ которому я пришелъ, слѣдующій. Изслѣдованіе Васильевскаго о Житіи св. Георгія Амастридскаго безупречно, анализъ замѣчательный по своей полнотѣ и глубинѣ, конечные выводы неопровержимые. Не то слѣдуетъ сказать про статью В. о св. Стефанѣ Сурожскомъ, имѣющую значительные недостатки. Не стану излагать содержаніе всѣмъ доступнаго сочиненія В. о Житіи св. Стефана Сурожскаго, а приступаю прямо къ тѣмъ мѣстамъ нашего памятника, которыя по моему мнѣнію неправильно истолкованы В.

По краткому греческому жизнеописанію св. Стефанъ закончилъ курсъ образованія на своей родинѣ въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Затѣмъ онъ по смерти своихъ родителей и по раздачѣ имъ своего наслѣдства бѣднымъ покидаетъ Каппадокію и отправляется въ Аѳины, чтобы поклониться и приложиться въ храмъ Богоматери. Въ бытность свою въ Аѳинахъ онъ бесѣдуетъ и разсуждаетъ съ философами и ри-

торами. Изъ Аѳинъ нашъ юноша поѣхалъ въ Константинополь. Привожу соотвѣтствующій греческій текстъ: ...καὶ ἐν τῷ ὀκτωκαιδεκάτῳ ἔτει τῆς ἡλικίας αὐτοῦ τὴν ἐντὸς γραφὴν καὶ ἐκτὸς ἐκάτερον ἐξασκήσας, γραμματικὴν τε καὶ ποιητικὴν, ἀστρονομίαν τε καὶ γεωμετρίαν καὶ πᾶσαν τὴν ἐγκύκλιον παιδευσιν καλῶς ἐκδίδαχθεὶς, καὶ παρὰ πάντων πολυέραστος γίνεται. Τῶν δὲ γονέων αὐτοῦ τὸν βίον ἀπολιπόντων, πάντα τὰ προσόντα αὐτοῦ τοῖς πένησι διανέμει. Ξενιτευθεὶς δὲ τῆς πατρίδος εἰς τὰς Ἀθήνας ἐπέδραμεν· εἶχε γὰρ ἐπιθυμίαν τοῦ προσκυνῆσαι καὶ κατασπάσασθαι τὸν ναὸν τῆς Θεομήτορος. Εὐρῶν δὲ ἐκεῖσε ἐνθαγενεῖς τοῦ τόπου καὶ πατρίους φιλοσόφους τε καὶ ῥήτορας, πάντας προσομιλήσας καὶ διαλεγθεὶς οὐκ ὀλίγα, ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπέστρεψε. . . .

Если держаться точнаго смысла греческаго синаксаря, то оказывается, что св. Стефану было не восемнадцать лѣтъ отъ роду, когда онъ прибылъ въ Царьградъ, какъ полагаетъ В., а *болше* восемнадцати лѣтъ. Далѣе изъ греческаго Житія явствуется, что св. Стефанъ посѣтилъ Аѳины не съ тѣмъ, чтобы завершить свое образованіе. Прямая его цѣль состояла въ желаніи помолиться въ храмѣ Богоматери. А между тѣмъ В. заставляетъ св. Стефана на восемнадцатомъ году жизни отправиться въ Аѳины какъ изъ желанія приложиться въ храмѣ Богоматери, такъ и изъ любви къ мудрости и наукамъ.

По русскому Житію, столь обильному подробностями, изъ коихъ многія, какъ доказалъ В., заимствованы изъ постороннихъ источниковъ, св. Стефанъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду, не усвоивъ еще себѣ полнаго курса наукъ, оставляетъ родину и направляется прямо въ Константинополь, гдѣ и кончаетъ свое ученіе. О кончинѣ родителей, раздѣчѣ наслѣдства бѣднымъ и посѣщеніи Аѳинъ — ни слова. Что стояло въ подлинномъ греческомъ Житіи — рѣшить трудно. Сравнительно съ греческимъ синаксаремъ можно предположить два пропуска въ русскомъ Житіи, именно, послѣ словъ: «егда же бысть пятнадцатъ лѣтъ», и передъ словами: «и прииде въ Царьградъ». За то въ русскомъ Житіи сохранилось важное извѣстіе, что св. Стефанъ покинулъ родину въ «лѣто» Θεодосія Андраминдина и патріарха Германа святого, т. е. въ 716, либо 717 году по Р. Х. Если наше предположеніе о пропускахъ вѣрно, то св. Стефанъ выселяется изъ Малой Азіи, правда, на пятнадцатомъ году жизни въ 716 или 717 году, но все-же остается неизвѣстнымъ, въ какомъ возрастѣ онъ прибылъ въ Царьградъ. Подобныя соображенія не были сдѣланы В.

Одна только дата, именно, пятнадцатилѣтній возрастъ Стефана

отмѣченъ въ русскомъ Житіи прописью (пятнадцать лѣтъ), такъ что остальные числовыя показанія легко могли подвергнуться искаженію. Однако В. строитъ все зданіе своихъ доказательствъ на такомъ шаткомъ фундаментѣ, считая съ какою-то предвзятостью хронологическія рамки русскаго Житія неприкосновенными несмотря на то, что содержаніе біографіи святого никакъ въ нихъ не укладывается. По русскому Житію св. Стефанъ провелъ въ Константинополѣ 15 лѣтъ, затѣмъ лѣтъ 30 прожилъ въ монастырскомъ уединеніи. Послѣ этого совершается его рукоположеніе въ епископы патріархомъ Германомъ. В. настаиваетъ на правильности чтенія 30, оттого что это число повторяется еще разъ ниже, но онъ забываетъ, что отрывокъ, въ который вставлено предложеніе съ повторенной датой, не находился въ первоисточникѣ, а почерпнутъ, какъ доказалъ самъ В., изъ сочиненія Георгія Александрійскаго о Іоаннѣ Златоустѣ, такъ что въ рукописи, которую выписывалъ составитель русскаго Житія, эта дата могла быть уже раньше испорчена переписчиками.

Предложенныя поправки: Е вмѣсто ІЕ, т. е. 5 вм. 15 (Преосв. Макарій) и Δ вм. Λ, т. е. 4 вм. 30 (Преосв. Порфирій), кажутся мнѣ довольно подходящими. Графически поправка Δ вм. Λ напрашивается сама собою, а поправка Е вм. ІЕ тоже не предосудительна. Тогда со времени прихода св. Стефана въ Царьградъ до избранія его въ епископы прошло бы не 45, а только 9 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ онъ былъ бы посвященъ въ архіереи въ 725 или 726 году. Выше мы выяснили, что опредѣлить возрастъ, въ которомъ онъ появился въ Константинополѣ, невозможно. По греческому краткому сказанію ему было тогда *больше* 18 лѣтъ.

Если оставить числовыя данныя совсѣмъ въ сторонѣ и если по В. дадимъ св. Стефану въ 716 или 717 году только восемнадцатилѣтній возрастъ, то онъ все-же еще могъ быть рукоположенъ Германомъ, низложеннымъ въ 730 г., потому что въ 728 или 729 году онъ былъ бы 30 лѣтъ отъ роду. При этомъ насъ не должно смущать то обстоятельство, что, по § 3 и § 12 русскаго Житія, ко времени поставленія св. Стефана въ епископы царь еще не воздвигнулъ гоненія на иконы, а жилъ въ согласіи съ патріархомъ и православнымъ духовенствомъ. Нельзя доказать, находилось ли содержаніе § 3 и § 12 въ подлинномъ Житіи. Греческое жизнеописаніе по крайней мѣрѣ молчитъ о какомъ-либо участіи царя въ дѣлѣ избранія св. Стефана. даже совсѣмъ не упоминаетъ о царѣ въ этомъ мѣстѣ. За исключеніемъ

§§ 3 и 12, императоръ Левъ Исаврянинъ нигдѣ не приводится въ русскомъ Житіи на всемъ протяженіи біографіи святого отъ самаго начала вплоть до § 18, да и въ §§ 3 и 12 онъ не упоминается по имени, а говорится просто о царѣ; только въ § 18 по поводу сказанія о гоненіи на иконы онъ впервые поименовывается «Левъ рекомый Саврось», а далѣе въ § 23 рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ воцаренія Льва. Все сказанное наводитъ меня на мысль, что сообщенное въ §§ 3 и 12 объ участіи царя въ поставленіи св. Стефана въ епископы и въ его чествованіи есть произведеніе фантазіи автора русскаго Житія. Такое соображеніе позволяетъ отнести рукоположеніе въ епископы св. Стефана патріархомъ Германомъ и ко времени разлада царя съ духовенствомъ, начавшагося съ 726 года.

Разсказъ объ иконоборствѣ при царѣ Львѣ Исаврянинѣ излагается въ русскомъ Житіи два раза. В. не задумался надъ этимъ обстоятельствомъ, а замѣчаетъ просто по поводу сообщенія объ убіеніи Львомъ Θεодосіева сына и трехъ сотъ бояръ: «Предполагается, что это было послѣ низложенія патріарха Германа и возведенія на его мѣсто Анастасія, т. е. послѣ 730 года». А между тѣмъ отрывокъ, начинающійся словами: «и потомъ рати бывши. оуби сына Феодосіева и 300 бояръ съ нимъ и прии в'се царство Левъ и в'ста на вѣроу христіанскоую», и кончающійся такъ: «и заточи его на островъ. И възведе на столъ Анастасіа злочестиваго»... прямо противорѣчитъ предположенію В., что это было послѣ низложенія патріарха Германа. Подобный разсказъ о Львѣ безспорно стоялъ въ подлинномъ греческомъ Житіи, въ которомъ, очевидно, въ началѣ шла рѣчь о восшествіи на престолъ царя Льва послѣ междоусобной войны, а затѣмъ о гоненіи на иконы. Прошу сличить то, что повѣствуетъ краткое греческое Житіе о Львѣ, по недоразумѣнію названномъ Ἀρμένιος: ἀναξίως καὶ τυραννικῶς κρατήσας τὴν αὐτοκρατορίαν, κατὰ τῶν θείων ἁγίων καὶ ἱερῶν εἰκόνων πόλεμον ἀνερέτισε σφοδρότατον... Содержаніе §§ 18, 19, 21, 22 и начала 23 въ русскомъ Житіи слѣдуетъ признать позднѣйшимъ сочинительствомъ. Что же касается § 20, то онъ списанъ изъ Георгія Александрійскаго. Поэтому В. долженъ былъ бы начало § 23 включительно до словъ: «и възведе на столъ Анастасія злочестиваго» отнести къ предыдущему § 22 и начать новый § 23 словами: «и потомъ рати бывши», а передъ ними поставить многоточіе въ знакъ того, что тутъ въ текстѣ несомнѣнно есть пробѣлъ. По всей вѣроятности въ первоисточникѣ царь былъ просто названъ Львомъ,

какъ и въ § 23 русскаго Житія. Этимъ можно и объяснить ошибку греческаго эпитоматора, назвавшего его Армяниномъ.

Въ 730 году былъ заточенъ патріархъ Германъ. Въ 741 году скончался Левъ. Епископъ Сурожскій пострадалъ отъ Льва въ промежутокъ времени отъ 730 до 741 года, ибо по русскому Житію онъ терпѣлъ гоненіе отъ царя по низложеніи патріарха Германа, т. е. не раньше 730 года, что косвенно подтверждается словами греческаго синаксаря: «...и всѣхъ сколько находилъ, вѣрныхъ и православныхъ присуждалъ къ темницамъ изгнанію и горькимъ мукамъ, и когда онъ потрясъ, можно сказать, всю землю, нечестивое его повелѣніе достигло града и знаменитаго Сурожа». По русскому Житію столкновеніе св. Стефана съ царемъ произошло пять лѣтъ спустя по достиженіи имъ епископской каѳедры. Слѣдовательно, по этимъ даннымъ поставленіе его въ епископы патріархомъ Германомъ могло только состояться не раньше 725 года.

Въ 741 году, по вступленіи на престолъ Константина Копронима и его супруги хазарки Ирины, воспослѣдовало освобожденіе св. Стефана. Въ краткой греческой записи царь и царица умалчиваются и освобожденіе приписывается «нѣкоторой» женщинѣ Иринѣ *διὰ τινος γυναικὸς Εἰρήνης*. Такое обозначеніе царицы Ирины можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ предполагаемомъ испорченномъ источникѣ, который выписывалъ составитель греческаго синаксаря, изъ именъ собственныхъ вѣроятно осталось въ этомъ мѣстѣ только имя «Ирина» безъ дальнѣйшей оговорки. Въ русскомъ Житіи упоминается здѣсь царь Константинъ Гноетезный (= Копронимъ), а про его супругу говорится: «царицы его Февдора керческаго царя дщи». В. не въ состояніи себѣ объяснить, какимъ образомъ Ирина въ русскомъ Житіи превратилась въ Феодору, которой не было между женами Константина, и полагаетъ, что писателю мерещилась супруга Юстиніана II, хазарка Феодора. Мнѣ же сдается, что не слѣдуетъ читать Феодора керческаго царя дочь, а Феодора керческаго царя дочь. Феодоръ — отецъ царицы. Въ русскомъ Житіи оущено имя царицы «Ирина». Ирина, супруга Константина Копронима, была такимъ образомъ не дочь великаго кагана хазаръ, имѣвшаго свою резиденцію на Волгѣ, а дочь его вассала, керченскаго кагана, христіанина Феодора.

Интересно сообщеніе русскаго Житія, что ко времени освобожденія св. Стефана у царицы родился сынъ, который по ея просьбѣ

былъ окрещенъ нашимъ исповѣдникомъ. Правда, по Теофану старшій сынъ Ирины родился въ 750 г. Не знаю, по скольку можно положится на это извѣстіе Теофана, но замѣчаю съ своей стороны, что столь позднее рожденіе *старшаго* сына императрицы послѣ *восемнадцатилѣтняго* супружества, такъ какъ бракъ ея съ Константиномъ былъ устроенъ еще царемъ Львомъ въ 732 году, само по себѣ внушаетъ очень мало довѣрія, тѣмъ болѣе, что подъ 769 годомъ тотъ же Теофанъ повѣствуетъ о трехъ сыновьяхъ третьей супруги Константина Копронима, бывшихъ къ тому времени уже отроками. Но если даже сообщеніе Теофана вполнѣ достовѣрно, то ничто не мѣшаетъ предполагать рожденія въ 741 году у Ирины сына, крещеннаго св. Стефаномъ и преждевременно скончавшагося, а потому и забытаго хронистомъ. По крещеніи царскаго сына св. Стефанъ съ почестями отсылается въ Сурожъ къ своей паствѣ.

Заканчивается біографія святого разсказомъ о чудесахъ, совершенныхъ имъ до и послѣ успенія. Въ краткомъ греческомъ Житіи упоминается лишь вскользь о чудесахъ *καὶ πολλὰ θαύματα κατεργασάμενος, τὰ μὲν πρὸ τῆς κοίμησews, τὰ δὲ μετὰ τὴν κοίμησιν*, а въ подробномъ Житіи описываются самыя чудеса.

Если внимательно сличать оба параллельныхъ жизнеописанія св. Стефана, то мы въ состояніи въ общемъ воспроизвести первоначальное подлинное греческое Житіе святого. Для этого нужно положить въ основаніе греческій синаксаръ и дополнять его свѣдѣніями изъ русской Памяти. Сюда относятся: выселеніе св. Стефана изъ родины въ «Лѣто» царя Θεодосія Андраминдина и патріарха Германа; 15-лѣтнее, читай: 5-тилѣтнее, пребываніе его въ Константинополѣ и 30-тилѣтнее, чит.: 4-лѣтнее, его подвижничество въ монастырскомъ уединеніи; обстоятельства воцаренія Льва, столкновеніе его съ патріархомъ Германомъ и возведеніе на патріаршій престолъ сирійца Анастасія; истязанія духовныхъ лицъ, числомъ 370; нѣкоторыя подробности обличенія царя св. Стефаномъ; весь § 28, и, наконецъ, сказанія о чудесахъ.

Замѣчательно, что о какихъ бы то ни было враждебныхъ отношеніяхъ византійскаго правительства къ Стефану Сурожскому въ царствованіе Константина Копронима нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ни въ греческомъ, ни въ русскомъ Житіи. Поэтому мы вправѣ предполагать ихъ отсутствіе и въ подлинникѣ.

Біографія святого производитъ впечатлѣніе цѣльности и связности

и не противорѣчитъ въ общемъ дѣйствительному ходу вещей. А между тѣмъ, что дѣлаетъ В. Г. Васильевскій? Онъ упраздняетъ почти все содержаніе Памяти святому, оставляя лишь какіе-то жалкіе обрывки, за исключеніемъ описанія чудесъ, стоявшаго и по В. въ подлинномъ греческомъ Житіи. Хронологическія рамки русскаго Житія В. считаетъ неприкосновенными и желаетъ ихъ заполнить скудными отрывочными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ двухъ постороннихъ источниковъ, а именно: 1) изъ Службы св. Стефану Сурожскому, въ которой говорится о прещеніи гноетезнаго царя и объ умиротвореніи его силою духовнаго оружія; 2) изъ Мینологія Василя Болгаробойцы, по которому вмѣстѣ съ Стефаномъ Новымъ и многими другими пострадалъ также нашъ епископъ Сурожскій въ царствованіе Константина въ 60-хъ годахъ VIII столѣтія. Держась хронологическихъ данныхъ русскаго Житія 716/717—15—30—5, В. доходитъ до 766/767 годовъ, до времени наибольшаго разгара иконоборческаго движенія. Несмотря на то, что отъ такой комбинаціи у В. улетучивается почти вся фактическая сторона біографіи святого, сохранившейся въ двухъ редакціяхъ, онъ все-таки считаетъ все сказаніе о чудесахъ безспорной принадлежностью первоначальнаго греческаго Житія. Послѣ того какъ наше изслѣдованіе разъяснило, что нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, по которымъ можно бы отвергнуть содержаніе жизнеописанія св. Стефана, съ еще большею рѣшительностью слѣдуетъ признать рассказъ о чудесахъ доподлинною составною частью первоначальнаго Житія.

Изъ описанія перваго чуда мы узнаемъ, что самъ св. Стефанъ назначилъ своимъ преемникомъ Филарета, который дѣйствительно выступаетъ архіепископомъ въ сказаніи о третьемъ чудѣ и былъ, какъ доказалъ В., современникъ Θεодора Студиты. Въ отрывкѣ о второмъ чудѣ говорится о христіанскомъ князѣ Юріи Тарханѣ, ученикѣ св. Стефана. Хазарскій титулъ «тарханъ» выдаетъ его хазарское происхожденіе и указываетъ на политическую подчиненность Сурожа хазарамъ. Изъ Житія Іоанна Готскаго мы знаемъ, что крымскіе готы во вторую половину VIII вѣка тоже были подвластны хазарамъ. Такъ какъ власть греческаго императора не простиралась во вторую половину VIII вѣка на Сурожъ, то полное молчаніе греческаго синаксаря и русскаго житія о гоненіи на св. Стефана въ царствованіе Константина Копронима становится весьма понятнымъ.

Въ княженіе Юрія Тархана представился св. Стефанъ, родившійся подъ конецъ VII столѣтія. Слѣдовательно, онъ могъ скончаться не позд-

нѣе конца VIII вѣка. Въ 787 году онъ былъ еще въ живыхъ, ибо его имя постоянно отмѣчается въ актахъ второго Никейскаго собора.

«Мало лѣтъ» спустя по смерти св. Стефана, когда на епископскомъ столѣ сидѣлъ преемникъ Стефана Филаретъ, является въ Крыму русская рать изъ Новгорода подъ начальствомъ Бравлина. Итакъ, это событіе слѣдуетъ приурочить къ первой четверти IX вѣка. Не даромъ русская рать выступаетъ изъ Новгорода, а не изъ Кіева, какъ нужно было бы ожидать, если бы рассказъ о посмертномъ чудѣ былъ сочиненъ въ позднѣйшее время, когда Кіевъ сдѣлался центромъ государства и исходнымъ пунктомъ для военныхъ экспедицій. Дѣло въ томъ, что въ первую половину IX столѣтія Русь еще не основалась въ бассейнѣ Днѣпра, а утвердилась пока только на сѣверѣ въ бассейнѣ Ильменя. Что же касается такъ называемой Черноморской Руси, все еще волнующей русскихъ ученыхъ, то я, надѣюсь, съ нею покончилъ навсегда. См. рецензію О. И. Успенскаго на записку Готскаго топарха, стр. 257: «Въ настоящее время добытые имъ результаты по вопросу о Черноморской Руси должны быть обязательны для всякаго, кого будутъ занимать событія IX-го вѣка», и стр. 252: «Здѣсь г. Вестбергъ безспорно стоитъ на твердой почвѣ, и ему всегда будутъ благодарны тѣ ученые, коимъ придется считаться съ извѣстіями восточныхъ писателей о древней Руси».

Неясно, овладѣлъ ли Бравлинъ кромѣ Сурожа также крѣпостями Корсунъ и Керчь. *Χερσων και Βόσπορος* могутъ означать какъ города, такъ и области. Такое словоупотребленіе встрѣчается, напримѣръ, у Константина Багрянороднаго. Мнѣ кажется невысказаннымъ, чтобы русское войско, какъ бы ни было оно сильно, въ одинъ пріемъ завоевало все крымское побережье съ такими твердынями, какими были Корсунъ и Керчь. Вспомнимъ упорную и долговременную борьбу, какую здѣсь вполнѣдствіи вели русскіе князья, пока, наконецъ, Владимиръ не взялъ Корсуна въ 989 году, между тѣмъ какъ отнять восточную хазарскую часть Крыма удалось лишь русскимъ вмѣстѣ съ греками въ 1016 г.

Переходимъ къ послѣднему чуду: о исцѣленіи Анны, царицы Корсунской. Прежде всего укажемъ на то, что оно не находится въ какой бы то ни было связи съ предыдущимъ чудомъ, совершившимся по поводу набѣга Бравлина, а стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Уже по этому одному сомнительно сближеніе Анны съ супругою Владимира, котораго нѣкоторые излѣдователи отождествляютъ съ Бравлиномъ.

Странно было бы также обозначеніе греческой царицы корсунскою царицею. Еще большее недоумѣніе вызываетъ дѣль поѣздки Анны, въ случаѣ ея совпаденія съ супругой Владимира, и самый ея маршрутъ. Изъ Корсуны Анна направляется черезъ Черную воду (Карасу) въ Керчь. Если даже Керчь въ 989 году принадлежалъ русскимъ, что однако совсѣмъ неизвѣстно, то путь туда лежалъ черезъ вражескія хазарскія владѣнія, ибо окончательное паденіе хазарскаго владычества въ Крыму относится къ 1016 году. Говорятъ, будто Анна хотѣла черезъ Керчь воднымъ путемъ отправиться въ Кіевъ, но, во-первыхъ, нашъ источникъ хранитъ объ этомъ полное молчаніе, а, во-вторыхъ, такого воднаго пути не существовало. Наконецъ, Анна греческая врядъ ли знала про мѣстнаго сурожскаго святого, а между тѣмъ, если судить по характеру разсказа, св. Стефанъ не могъ быть ей чуждымъ, а былъ хорошо знакомый ей святой, къ которому она съ довѣріемъ обращается съ просьбой объ исцѣленіи.

Домысль Васильевскаго, что, быть можетъ, подъ корсунской царицей здѣсь «просто разумѣется хазарская царица—другая по отношенію къ той, которая раньше названа дочерью корчемскаго царя», считаю вполне правильнымъ. Если керченскій намѣстникъ великаго кагана величается въ русскомъ Житіи «царемъ», то подъ царицею корсунскою слѣдуетъ понимать супругу хазарскаго намѣстника въ Корсунѣ. Данное объясненіе свидѣтельствовало бы о томъ, что во время описываемаго чуда весь Таврической полуостровъ былъ подвластенъ хазарамъ. Возможно ли такое широкое распространеніе владычества хазаръ? Для этого вспомнимъ, что во вторую половину IX столѣтія крымскіе готы находились въ подчиненіи у хазаръ, что въ началѣ VIII столѣтія Корсунцы принуждены были принять въ свои стѣны хазарскаго тудуна и что въ извѣстномъ письмѣ хазарскаго кагана Іосифа къ Хасдаю, испанско-арабскому министру, на ряду съ другими городами Таврическаго полуострова, входящими въ составъ хазарской державы, приводится также Корсунъ, какъ отголосокъ прежнихъ отношеній. Сюда же могутъ быть привлечены извѣстія изъ жизнеописанія св. Стефана Новаго и изъ переписки Θεодора Студиты († 826), по которымъ иконопочитатели находили безопасное убѣжище во всемъ нагорномъ Крыму: въ Херсонѣ, Готіи и Боспорѣ.

Итакъ нельзя удивляться тому, что Корсунъ ко времени описаннаго чуда принадлежалъ хазарамъ. Но въ такомъ случаѣ чудо, совершившееся съ Анною на черной водѣ, слѣдуетъ приурочить къ эпохѣ,

предшествовавшей царствованію императора Теофила (829—841), такъ какъ автономная вначалѣ Корсунская область была въ это царствованіе приведена въ непосредственную зависимость отъ Византіи и вплоть до Владиміра святого оставалась за греками.

Въ заключеніе еще разъ подчеркиваю, что данныя, содержащіяся въ описаніи чудесъ, находятся въ согласіи между собою и не противорѣчатъ исторіи, по скольку мы ее знаемъ, и что самая біографія представляетъ цѣльное и послѣдовательное жизнеописаніе. Поэтому пора признать за Житіемъ св. Стефана значеніе важнаго историческаго документа по исторіи древней Руси и Таврическаго полуострова за первую четверть IX столѣтія. Если имѣть въ виду знаніе лицъ и событій авторомъ Житія съ одной стороны и свѣжесть спеціальныхъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, извѣстій, то слѣдуетъ полагать, что первоначальная греческая біографія нашего святого не могла быть написана многимъ позднѣе середины IX вѣка по Р. Х.

Фридрихъ Вестбергъ.